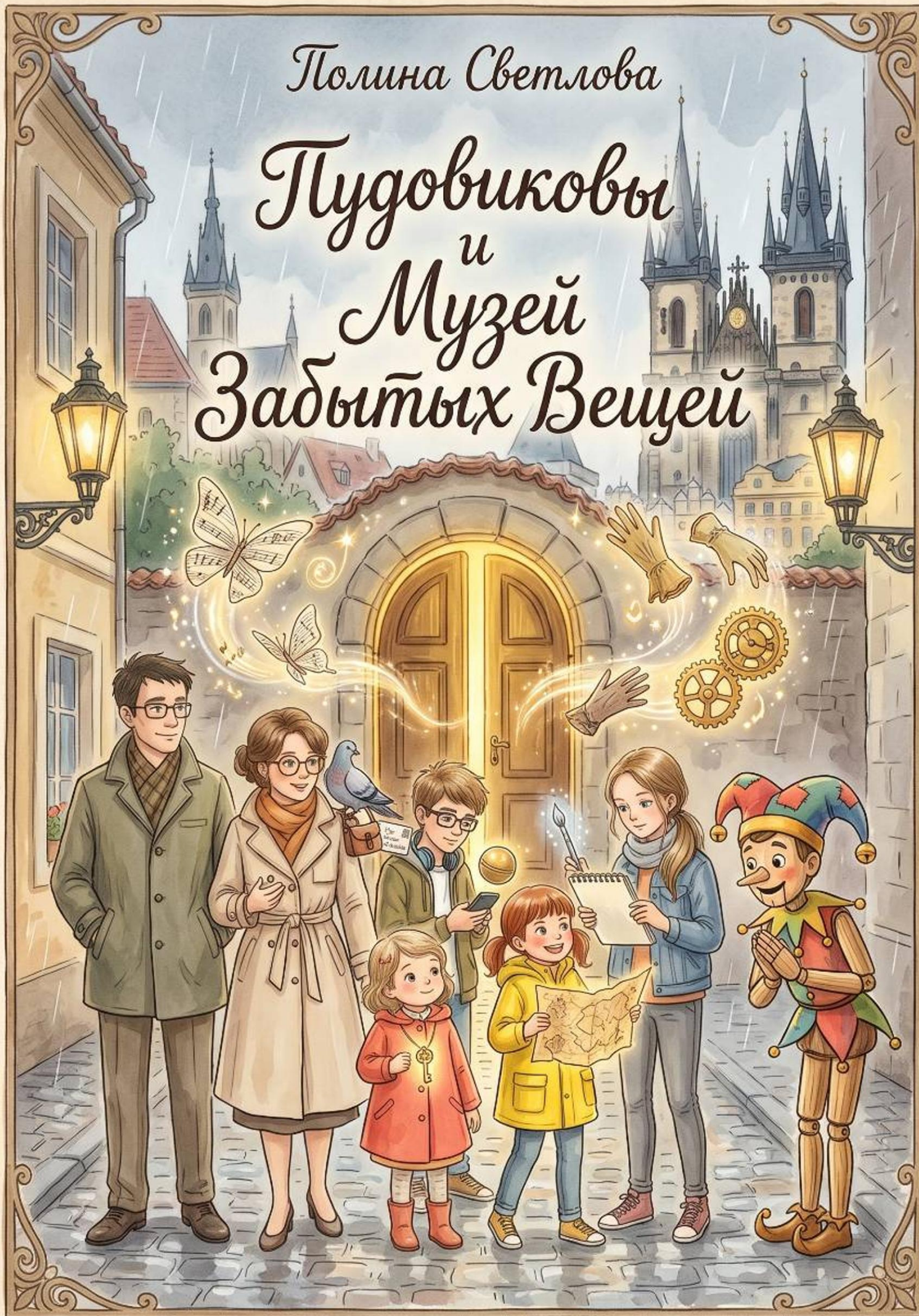

Полина Светлова

Тудовиковы и Музей Забывших Вещей

Полина Светлова

**Пудовикóвы и Музей
Забывтых Вещей**

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовикóвы и Музей Забытых Вещей / П. Светлова — «Автор», 2026

Представьте: вы приезжаете в Прагу на фестиваль марионеток, а на плечо падает мокрый голубь с открыткой от кота-управляющего. В открытке — предупреждение: будьте внимательны к тому, что забыто. Семья Пудовиковых — знаменитый «антикризисный семейный подряд» по спасению надъестественных объектов — ещё не знает, что за глухой жёлтой стеной в переулке прячется дверь, которой нет ни в одном документе мэрии. Дверь, которую сто лет назад замазали штукатуркой вместе с памятью. Чтобы её открыть, восьмилетней Любе придётся стать разведчиком, Насте — нарисовать дверь серебряной кистью, а маленькой Марусе — услышать тихий плач под мостовой, который взрослые не замечают. За дверью их встретит марионетка Йозеф Кашпарек — сто лет без нитей, сам себе хозяин, — и приведёт в Музей Забытых Вещей, где живут потерянные перчатки, обиженные на слово «одиночество», и вещи, которые ждут, когда их вспомнят. Только вот музей умирает. И спасти его может лишь тот, кто по-настоящему вспомнит.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прага, марионетки и открытка от кота	6
Глава 2. Дверь, которой не было	8
Глава 3. Музей, где живёт то, что потеряли	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Полина Светлова
Пудовикóвы и Музей Забытых Вещей
Пудовикóвы и Музей Забытых Вещей

Глава 1. Прага, марионетки и открытка от кота

Прага встретила их дождиком — мелким, вежливым, каким-то историческим. Казалось, он идёт здесь со времён Карла Четвёртого и за столько веков научился падать так, чтобы никому всерьёз не мешать.

Семья приехала на Международный фестиваль марионеток: Настя полгода копила карманные деньги на билет, а в итоге билеты всем купил Магический Совет — как выяснилось, пансионат «Эдельвейс» тоже имел к фестивалю отношение: его хозяйка приходилась двоюродной прабабушкой главному пражскому кукловоду.

Пансион «У трёх скрипок» принял их радушно. Портье — сухонький старичок в нарукавниках — листал амбарную книгу и бормотал:

— Бронь... бронь... ага, вот. Шесть персон, две смежные комнаты, вид на Влтаву. Фамилия, сударыня?

— Пудовико?вы, — отчеканила Валя. — Ударение на «о». Все так делают, я привыкла.

— Пудовико?вы... — старичок аккуратно вывел фамилию пером и вдруг замер, близко-руко приближая страницу к носу. — Позвольте-с... Пудовико?вы? Те самые? Из Сингапура? Про которых инспектор Панг в методичке целую главу написал — «Семейный подряд как метод антикризисного спасения надъестественных объектов»?!

— Те самые, — скромно сказал Максим, расправляя плечи.

Старичок выскочил из-за стойки с проворством, не соответствующим возрасту, и пожал руку сначала Максиму, потом Вале, потом Мише, потом по очереди всем детям.

— честь имею, честь имею! Прага о вас наслышана! У нас в городе, знаете ли, всё волшебное — между нами, старыми домами, новости летят быстрее телеграфа. Живите сколько хотите, завтрак с семи, а котлеты у нашего повара — такие, что даже домовые в очередь встают!

— Так, экипаж, — Валя развернула под навесом аптеки план города. — Заселение в четыре. Фестиваль открывается в шесть на Староместской. До шести — свободное время, но в пределах видимости. Люба, это особенно тебя касается.

— Мам, ну когда я терялась?! — возмутилась Люба, уже висая наполовину в подворотне.

— Три раза. В Воронеже, в Сингапуре и в поезде, когда ты ушла «просто посмотреть багажный вагон» и вернулась с сорока хомяками.

— Хомяки сами пошли! Они меня выбрали!

Миша шёл рядом с наушником на одном ухе и хмурился в телефон:

— Странно тут у вас с интернетом. Сеть есть, а страницы грузятся как будто через кисель. И навигатор показывает, что мы стоим... — он повертел телефон, — ...в тридцати метрах под землёй. Прямо под нами.

— Мишустик, в Праге под землёй полгорода, — сказала Настя, не отрываясь от скетчбука: она рисовала Карлов мост, и нарисованные статуи на нём незаметно меняли позы. — Тут, наверное, метро. Или коллектор. Или...

Она не договорила, потому что Маруся остановилась посреди мостовой и потянула маму за руку:

— Мам. Слышишь? Тут под ногами кто-то плачет. Тихо-тихо. Много-много кого.

— Дети, — начал было Максим, разворачивая зонт, — под мостовой в историческом центре плакать нечему. Там коммуникации. Коммуникации не плачут, они гудят.

Но тут с неба, насквозь промокший, спикировал голубь с кожаной тубусом на лапке, плюхнулся на плечо Вале и выжидающе уставился на неё бусинкой глаза.

В тубусе лежала открытка. На открытке был нарисован сингапурский небоскрёб, а поверх него кошачьей лапой, чернилами цвета винного жилета, было выведено:

«Господа путешественники! Птичья почта отеля „Лотос“ сообщает: в Праге вам надлежит быть внимательными не только к тому, что видно, но и к тому, что забыто. Совет: если вещь покажется вам ненужной — подумайте дважды. Возможно, это вы ей нужны. Кланяюсь. Кот Барнаби, и.о. управляющего. P.S. Инспектор Панг просил передать, что его методичка „Действия при временных воронках“ вышла вторым изданием с вашим семейным портретом на обложке. Он просил не благодарить. Он просил не рассказывать ему, кто художник».

Настя зарделась: портрет на обложке она узнала — это был её прошлогодний набросок.

— Внимание к забытому, — прочитал вслух Максим. — Загадочно. Кот всегда был склонен к драматизму.

— Пап, — сказала Люба, и голос её вдруг стал таким, каким бывает только у восьмилетних разведчиков, напавших на след. Она стояла у глухой стены дома в конце переулочка и держала в руках развёрнутую бесконечную карту. Пергамент светился, и на нём, прямо под рисунком пражской мостовой, пульсировала золотая точка. Подпись проступала буква за буквой: «ВТОРОЙ ФРАГМЕНТ. ТАМ, ГДЕ ВЕЩИ ЖДУТ».

А рядом с точкой карта нарисовала маленькую дверцу — в стене, которой, по всем документам мэрии, не существовало.

Глава 2. Дверь, которой не было

Стена была обыкновенная: старый жёлтый штукатуренный дом, табличка «У золотого кораблика», окна с геранью. Никакой двери.

— Карта не врёт, — упрямо сказала Люба, водя пальцем по пергаменту. — Смотри: дверца нарисована вот тут, между третьим и четвёртым камнем. Значит, она замаскирована. Значит, нужен пароль. Или... — она приложила ухо к штукатурке, — ...или нужно попросить.

Маруся подошла к стене и положила на неё обе ладошки — совсем как когда-то на лифтовую решётку в сингапурском отеле.

— Она не спрятана, — тихо сказала девочка. — Она потеряна. Стена сама забыла, что в ней есть дверь. Ей сто лет назад сделали ремонт и... замазали. Вместе с памятью.

— Замазали дверь памяти, — Максим достал блокнот. — Валюша, фиксируй: в Праге строительные нормы нарушают даже в прошлом веке.

— А если ей напомнить? — Настя уже доставала серебряную кисть. — Память же можно нарисовать. Mam, ты сама говорила: чтобы человек вспомнил, ему надо показать фотографию.

— Показывай, — разрешила Валя.

Настя встала перед жёлтой стеной и быстрыми, лёгкими движениями нарисовала по штукатурке контур арочной двери — с коваными петлями, с круглым окошком наверху, с медной табличкой. Табличку она вывела старинными буквами: «МУЗЕЙ ЗАБЫТЫХ ВЕЩЕЙ. ЧАСЫ РАБОТЫ: КОГДА КТО-НИБУДЬ ВСПОМНИТ».

Кисть дрогнула. Штукатурка под рисунком пошла тёплыми волнами, как песок под приливом, жёлтая краска осыпалась мелкой пылью — и дверь стала настоящей. Тёмный дуб, кованые петли, медная табличка, на которой проступили настоящие, не нарисованные буквы.

Из-за двери донеслись шаги — шаркающие, деревянные.

Дверь открылась сама. На пороге стоял...

— Кукла, — выдохнула Настя.

Это была марионетка — но ростом с Мишу. Деревянное лицо, доброе и морщинистое, расписанное потрескавшимися красками, колпак с бубенцом, полосатый костюм, в котором заплат было больше, чем ткани. Нити, которые должны идти вверх, к кукловоду, у куклы отсутствовали: они давным-давно оборвались и свисали с плеч, как седые волосы.

— Йозеф, — представилась марионетка, кланяясь так, что бубенец на колпаке звякнул.

— Йозеф Кашпарек, смотритель. Сто лет без нитей, сударыни и судари. Сто лет сам себе хозяин. Проходите, проходите, только ноги вытирайте — у нас тут, понимаете ли, вещи чувствительные. И... — деревянное лицо дрогнуло, — ...вы ведь действительно нас вспомнили? По-настоящему? Не «ах, какая старинная дверь» для фотографии, а по-настоящему?

— По-настоящему, — серьёзно сказала Маруся. — Мы услышали, что тут плачут.

Йозеф Кашпарек долго молчал. Потом махнул деревянной рукой:

— Тогда вам нужно увидеть всё. И немедленно. Потому что, дети мои, наш музей умирает.

Глава 3. Музей, где живёт то, что потеряли

Музей, где живёт то, что потеряли

Музей Забытых Вещей начинался лестницей вниз — широкой, каменной, уходящей под Прагу на три этажа. И чем ниже спускалась семья, тем тише становилось вокруг и тем сильнее пахло пылью, воском и почему-то дождём из детства.

— Правила простые, — вещал Йозеф, шаркая впереди. — Ничего не трогать без спроса. Ничего не обещать вещам, если не собираетесь выполнять. И не говорить при перчатках слово «одиночество» — они его слышат и расстраиваются.

— Кстати, сударыни и судари, мы с вами находимся прямо под театром марионеток, — добавил он. — Ваш фестиваль идёт двумя этажами выше. Куклы нас любят: после спектаклей спускаются погреться и поболтать. Так что не пугайтесь стука сверху — это аплодисменты.

Первый зал назывался «Зал Потерявшихся Пар».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.